

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**МЕСТЬ
БЕЗ ПРАВА
НА ОШИБКУ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Ферез*

Соболева, Лариса.

С54 Мечь без права на ошибку : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-101230-4

Если живешь вне правил, то должен быть готов, что кто-то тоже предпочтет жизнь вне правил, и тогда... Тогда тебе вряд ли это понравится, но подобные повороты никто не просчитывает.

Прекрасно, когда есть власть и деньги, но ведь всегда чего-то будет не хватать, захочется чего-то такого, что было пропущено во время восхождения. Например: любви, уважения, искренности — это же естественный бонус к власти и деньгам, как кажется некоторым.

Но привычка не считаться ни с кем, не завоевывать любовь и уважение, а просто брать все, что нравится, иногда играет жестокую шутку. Она учит мстить без оглядки, превращая желанные бонусы в ад.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101230-4

© Л. Соболева
© ООО «Издательство АСТ», 2017

1. Утомленный удачей

— Свинья! — Через паузу отец заговорил сдержанно: — Забери бумаги в офисе и мигом ко мне! Если не успеешь к часу... Не успеешь, конечно! Езжай сразу в клуб. В два часа обед. — И папа не выдержал: — Понял, скотина?

— Скотина понял, — вяло ответил он, а ему ответили гудки.

Сергей положил мобилу на полку в ванной комнате, поднял голову и в зеркале увидел...

— Ну и рожа!

Поворачивая голову, обозревал себя с разных ракурсов. Рожа поганая: мешки под глазами (да здоровые), глаза красные, лицо запухшее, а цвет... Хорошо, нос не синий, был бы законченный портрет алкаша.

— Так... Все. Со следующего понедельника бросаю курить и в рот — ни капли. Решено. Ни капли... Хотя бы неделю... Спрятаться от всех, что ли?

На собственную волю уже не рассчитывал. Любуйся собой — не любуйся, рассуждай — не рассуждай, а ехать надо. Сергей достал из кармана куртки антиполицайчики, бросил в рот несколько крупинок: десять минут — и алкоголь можно будет обнаружить только в крови. Рожа, правда, останется без изменений, но реакция улучшится. Да здравствуют японцы! Теперь — в душ.

Через полчаса он выезжал из гаража. Черт, забыл дома сигареты. Не возвращаться же! Купит по дороге в кафе, а с понедельника — новая жизнь. Сегодня под-

писывается договор, естественно, придется «обмыть». А когда выпиваешь — воля слабеет, значит, в зубах будет сигарета. Но с понедельника...

Сергей открыл в машине окно, сделал пару глубоких вдохов, влажный и прохладный воздух взбодрил. И вдруг вспомнил, что третий день не видел своего кота. Высунул голову в окно, позвал:

— Филипп! Филя!..

Кот загулял. Прибежит, когда надоест мусорная жизнь и драные кошки. Можно ехать, но сначала сигареты.

— Да поссать захотел! Пива выпил... Много... Иду домой, еле ноги волочу. А еще через сквер... пятый этаж... Вот! Думаю, не дойду. Захожу подальше в сквер, становлюсь... Смотрю, в кустах чего-то виднеется. А оно темно было, но еще видно... Хотя темно. Вот. Это чего-то оранжевое, яркое такое, даже в темноте видно. Думаю, за мной подглядывают... Думаю, не хватало! Спрашиваю: кто там? Вот. Молчат. Ну, я без задней мысли иду туда. А оно — кусты все загородили, ни фи-га не вижу... Вот. Ну, я раздвигаю кусты, вот так вот... руками... Чуть не упал, потому что споткнулся. Не, ну я дальше... Смотрю, сидит платье! Ага, влез в какую-то жижу, думал — в дерьмо... а это кровяца оказалась... Вот, значит. Темно же! Достаю фонарик... У меня с собой всегда фонарик! Козлы педальные все лампочки в подъезде повыкручивали. Я их вкручиваю, а они выкручивают! Так я фонарик купил, пусть теперь, козлы, без света живут. Ну вот, значит... Светю я фонариком и вижу: сидит платье оранжевое и ноги сидят с трусами! Платье с ногами сидят, а головы нет! Потом смотрю, а башка вот так свесилась... (Рассказчик свесил голову набок, показывая наглядно.) Я ничего не понял... Говорю: эй!.. Потом смотрю — а башка-то отрезана! И непонятно, как висит! Верите, рот открывается, клянусь,

сам собой и слышу — ору! Я сначала не понял, кто орет. Сердце kloкотало аж в горле — так испугался, что кто-то тут орет. Оглядываюсь посмотреть, кто орет... а это я, я сам и ору!

— Ребята, сигарет можно купить? — спросил Сергей.

За столиком в кафе сидело несколько мужчин, с интересом слушая рассказ. Кроме них в зале никого не было, да и само заведение слишком мало, чтобы здесь толпился народ. Рассказчик встал и подошел к стойке бара:

— Вам каких?

Это, видимо, и был хозяин, он взволнованно дышал, вытирал мокрое лицо и шею полотенцем.

— Лучших. Две пачки. А что вы такое интересное рассказывали? — Спросил не из любопытства, непонятно, зачем спросил.

— Вчера он нашел бабу с отрезанной головой, — поделился один из группы мужчин, подойдя к стойке.

— Слушай, — выкрикнул оттуда же высокий плотный парень торгашеского вида, — а ты когда ее заметил, до того или после того? — Парень ухмылялся, подмигивал остальным.

— В смысле? — не понял герой дня.

— Ну, до того, как поссал, или поссал, когда увидел?

Хозяин кафе мигал глазами, соображал... потом развел руками и вздохнул. Взрыв хохота сотряс маленькое кафе. Хозяин замахал на приятелей руками, закивал головой, мол, вам бы на мое место.

— Смотри, как бы тебе не досталось, — вступил в разговор третий.

— Как это? — струхнул хозяин.

— А так. Ты был один, когда ее нашел? Значит, и ткнуть ее мог. Ментам все равно, кто ей башку оттяпал, у них план раскрываемости.

— Ты что?! — заорал хозяин. — Я же сам пересрал, клянусь! Мне укол делали от нервов!..

Начался спор... Сергей вышел на улицу. Жуткие истории в духе Хичкока его не занимали. Раскрывая пачку сигарет, он механически оглянулся. Через стеклянную дверь просматривалось все кафе: открывались рты, воздух сотрясали руки, но ничего не было слышно, напоминало это зрелище немое кино. Теперь хозяин кафе будет рассказывать эту жуть каждому, вспоминая новые детали, даже те, которых не было.

Первая затычка вызвала небольшое головокружение и тошноту, Сергей посидел пару минут, пережидая неудобство, и поехал дальше.

Только когда входил в офис, впервые посмотрел на часы. Ого! Почти час. Хорошо все-таки ни от кого не зависеть, быть хозяином себе.

— Здравствуйте, Сергей Палыч. Вам звонил ваш отец... — начала куколка-секретарша.

— Знаю. Документы, — бросил на ходу, не взглянув в ее сторону.

Она растерянно захлопала глазками, а Сергей уже был в кабинете, упал в кресло. Зря так грубо, она же не виновата, что он вчера перепил. Нажал кнопку селектора:

— Зося, сделай кофейку быстренько. — Через паузу нехотя добавил: — Пожалуйста.

— А документы? — спросила она.

— И документы быстренько. Ты поняла? — уточнил на всякий случай, ей двадцать раз объяснить надо.

— Да.

Судя по тону, она не обиделась, зря совесть мучила. Ладно, придется выпить кофе, который Зося не умеет готовить, к отцу один хрен опоздал, поедет прямо в клуб. Сидел он расслабленно, с закрытыми глазами, покручиваясь в кресле. Не хотелось поднимать зад, переться через весь город. Что у нас за натура такая? Перед иностранцами чуть ли не на пузе ползаем, кор-

мим их, поим... Да так, что рожи у них распухают за несколько дней до неузнаваемости. А мы: ах, они едят не все подряд, холестерина боятся; ах, за здоровьем следят; ах, спортом занимаются... Да жрут и пьют на халяву так, будто до этого в концлагере сидели. И уезжают с отменной мордой, запасом русских матов и договорами, сказочно обогащающими их.

Раздумья прервала Зося: поставила перед ним кофе, положила папку. И стоит. Дура. Сергей взял чашку и, листая документы, вернее, считая их, начал пить бурду под названием «черный кофе». Она стоит.

— Я положила сахару одну ложечку. (Пауза). Но не расколотила.

Он поднял на нее глаза. Господи, создаст же природа такое хорошенькое, но глупое существо. Ей бесполезно говорить, что кофе он пьет БЕЗ САХАРА, БЕЗ! Как будто специально назло делает. Идиотка.

— Спасибо, — мягко сказал. — Зосенька, что еще?

Терпение заканчивалось. Щас как пошлет ее с приготовленными помоями вместе, стоит тут...

— Нет, ничего, — тихо произнесла она.

— Тогда иди: — А хотелось: пошла к черту!

— Павел Сергеевич просил передать...

— Знаю. Сейчас поеду.

Ушла, слава богу. Вместо того чтоб взять пронырливого референта, приходится терпеть эту дуру. Мама и отец настояли взять ее, и потом, родители втайне, что давно не является тайной, мечтают женить его на Зосе. Разбежались! Папа ее — директор одного из держащихся на плаву заводов, близкий друг отца Сергея, наворовал столько... хватит правнукам его Зоськи. А деньги должны складываться к деньгам, вот и засела бредовая идея в головы родителей: отдать замуж Зосеньку за Сереженьку. Не тут-то было, натолкнулись на мощное сопротивление со стороны Сереженьки и решили сунуть ее на место референта в фирму сына —

пусть, дескать, притрутся. Здесь Сергей оказался бес-
силен. Теперь сидит Зося у него перед носом, бумажки
перебирает с высшим образованием. Можно было бы
трахнуть ее (против не будет), а потом бросить, чтоб
жизнь узнала... Тогда точно женят. Пусть отдыхают от
этой мысли.

Собственно, почему его раздражает Зося? Сам-то
он кто и что? Дела ведет отец, хотя официальные до-
кументы сделаны на Сергея. И клуб, куда он сейчас
поедет, тоже вроде принадлежит ему, но он там только
водку пьет, попутно делает вид, что руководит. Много
чего числится за Сергеем, только все — заслуга отца!
Он не может вести дела открыто, как-никак первое
лицо в городе.

Документы в порядке, кофе вылит в цветочный гор-
шок, можно и в путь. Вышел в приемную. Подчинен-
ные вместо упорного труда на благо патрона сидели
в тесном кругу и, раскрыв рты, слушали бухгалтера
Раису.

— Почему не трудимся? — озадачился Сергей по-
кровительственным тоном и сам удивился: точь-в-точь
отец.

— У нас в городе, Сергей Палыч, маньяк объявил-
ся, — ответила Раиса. — Вчера опять труп девушки
нашли. У меня знакомая...

«Не город, а коммунальная квартира», — подумал
он, вслух сказал:

— Потом, ладно? Буду к концу рабочего дня, — бро-
сил на ходу Зосе, та преданно кивнула.

Задержался на секунду, раздумывая: запретить им
собрание или не стоит? Решил не запрещать, все равно
будут мусолить эту тему после его ухода. Вышел. Зося
смотрела ему вслед влюбленно.

В клубе «Россо» (если честно, это обыкновенный
кабак) только-только начался обед, опоздал Сергей
совсем на немного. О, как здесь... вычурно, по его

мнению. Стены обиты оливковым ситцем с рисунком из композиций цветов в стиле барокко, развешаны бра, дающие матовый свет. Обычно маленькие столики расположены вдоль стен, но сейчас все сидели за общим столом. Слух ласкала живая музыка — играл пианист и два скрипача пилили смычками по струнам, а может, это альтист и скрипач. К своему стыду, скрипку от альтя отличить Сергей не мог, да и не стремился. Предупредительные официанты в темно-зеленой униформе, желтых рубашках и с бабочками вместо галстуков бесшумно двигались по залу, все как один высокие, проворные, красивые мальчишки.

Клуб перестраивался по австрийскому проекту и должен был поражать шиком — что весьма относительно. Но здесь даже сортир выложен черным мрамором, в смете так и значилось: черный мрамор. Сергей в шутку прозвал туалет «наш мемориал», а две интимные комнаты ему напоминали мавзолей.

Сергей сел рядом с отцом, не глядя тому в глаза — боялся увидеть в них негодование сквозь ласково-приветливый взгляд. У отца на лице никогда не написаны истинные эмоции, пожалуй, только сын умел читать «за кадром». Он осмотрел присутствующих, старательно работающих челюстями. Гостей, из-за которых сырбор, всего трое. Один нужный — Файтонс, немного каркающий по-русски, и двое — сбоку припека. Между отцом и Файтонсом сидела переводчица, ну очень интересная мисс. Поесть ей некогда, работала языком, пережевывая английские и русские фразы, кстати, недурно. Остальные — свои, человек двадцать, дармоеды, не любил их Сергей.

Он взял рюмку коньяка и ощутил, как отец дернулся. Не пей, не пей, — твердил один внутренний голос, а второй шептал: выпей, выпей всего одну, только одну... Голос второго звучал несколько приятней. Выпил. За-

жгло сначала в желудке, потом жар разошелся по телу. Похорошело.

Принесли огромного осетра с художественной росписью из майонеза, ягод, зелени и оливок. Зам отца Бельзин важно объяснял особенности русской кухни, пока официанты варварски кромали на куски произведение кухонного искусства. Начался новый виток обжорства. Бедолаги музыканты, обливаясь слюной, играли, один спел, неторопливо задвигались в танце пары, тогда-то отец и пригласил Файтонса на беседу. Сделал он это мягко, не привлекая внимания окружающих. Подскочила переводчица, ее попытался отвлечь Вадим, пригласив на танец, она начала было отказываться, но Сергей ее успокоил:

— Танцуйте, танцуйте. Я вас заменяю, немного знаком с английским (врал, хорошо знаком). Да и господин Файнтонс говорит по-русски (плохо). Отдыхайте.

Она улыбнулась и ушла танцевать. «Зубы ровные и белые», — отметил он, проводив ее хищным взглядом, потом проследовал за отцом. Сейчас присутствие посторонних исключено. Деньги! Не рублики, которых всегда будет мало, сколько бы их ни было, а всегда будет висеть опасность в один прекрасный день потерять сразу все.

Уединились в небольшую комнату в золотистых тонах «без окон, без дверей», попасть сюда можно только через кабинет управляющего. Комната и планировалась для определенных целей: переговоров, проведения различного рода сделок и для отдыха. Насчет отдыха — о да, Сергею удавалось здесь со многими отдохнуть, но это к делу не относится. А дело вот в чем: договор. Один сегодня уже подписан — официальный: о сотрудничестве, культурных связях и прочее. Благодушный гость проделал тысячи километров не ради каких-то там культурных связей. Отец нервничал, видно было по некоторой скованности лица и напряженной позе,

зато Сергей — в подобных ситуациях чувствовал себя комфортно, уверенно переводил, остроумно отвечал, быстро соображал. В такие минуты он ощущал полную гармонию, ловил кайф. И отношение отца менялось, в его глазах появлялась гордость за сына.

Итак, металл. Цветной. Медь, алюминий, титан, никель под маркой металлолома. И красная ртуть — ага, ага. На юридическом языке это называется контрабандой, на языке бизнеса — куй бабки, пока можно. Этим и занимался Сергей через связи отца, а связи у папы — у, какие! Всю жизнь в административном аппарате.

— Первый раз отправим максимальное количество, — говорил Сергей Файтонсу. — Поскольку мы планируем отправить груз морем, вы получите сразу половину заказа.

— Каким образом будет упакована ртуть? — поинтересовался гость.

— Очень просто, — Сергей откинулся на спинку кресла, — в обычные ржавые трубы. Вы, наверное, слышали про наших умельцев? Так вот один такой изобрел контейнеры, которые не дают фона, обнаружить груз практически невозможно.

— Well, — сказал Файтонс. — А если все-таки обнаружат?..

— Если обнаружат, что маловероятно, груз окажется без обратного адреса. Мы позаботились на этот случай, поэтому отправляем не из нашего региона.

— Когда планируете отправить корабль?

— Сегодня мы подписываем бумаги, сегодня звоним из этого кабинета, а завтра начинается погрузка. Закончат через пару недель, думаю. Тогда же будет таможенный досмотр, с которым проблем не возникнет.

— Остальная половина? — спросил Файтонс.

— По мере получения вами груза, а нами денег. Оставшуюся часть решено переправить грузовыми самолетами. Разные регионы — надежный способ от-

правки. А то «как бы чего не вышло» — есть у нас такое выражение.

Файтонс удивленно приподнял брови, Сергей пояснил:

— В нашем государстве не всех можно купить, к сожалению. Вдруг попадетсч честный дуралей, тогда хлопот прибавится.

— Где гарантия, что сейчас не попадетсч? — забеспокоился гость.

— На 99% гарантия есть, — заверил Сергей. — Ведь стопроцентной гарантии вам не даст сам Господь.

Дальше все делалось быстро: сколько денег, в какие банки, на какие счета переправить, подписи. Подписывая, Сергей, мельком взглянув на отца, отметив: «Любит меня». Да, любил его Павел Сергеевич и очень переживал, видя, как сын, получивший от жизни все, о чем можно мечтать, погряз в пьянках и бабах. Возвращаясь к столу, папа шепнул:

— Сергей, я прошу тебя, меньше пей.

— Yes, сэр.

— Потом поговорим. — Отец перешел на строгий тон, но заметил, что сын закрылся от него. Чуть не испортил все.

В зале американцам показывали русскую удаль, отплясывая нечто типа «камаринской» под «семь сорок». Сергей ухмыльнулся. Этим гостям еще повезло. Их не таскали по концертам замечательно-бездарной самодеятельности, где танцы и песни похожи, а представления длятся до двух часов. Руководители же заглядывают заискивающе в глазки гостям, надеясь, что их пригласят в западный рай с гастролями. Повезло американцам, что не водили их по выставкам и музеям, сотрудники которые с самозабвением повествуют об истории города за мизерную зарплату, которой хватит только его коту на прокорм. Сергей потрянул головой, выбрасывая дурные мысли, тем более что отец взял на

себя внимание, пригласив гостей поохотиться завтра на кабана. Ну и ну! В конце сентября! Очень интересно! И где же он возьмет кабана? Из зоопарка выпишет?

Тернов (тоже зам) тут же пустился в рассуждения об охоте, о своих собаках (тупых до невозможности) и приключениях (во где врал!). Глаза его лихорадочно горели (коньяку выжрал прилично), сытая морда раскраснелась и лоснилась, хохотал он над собственными остротами (казарменными), производя впечатление...

— Как тебе этот шут? — спросил Илья Васков, еще один зам.

Сергей кивнул в знак согласия. Действительно, Тернов похож на шута, только на злого шута, который старается выглядеть добрым, — так, по крайней мере, показалось Сергею.

Нет, не миновала чаша культурной программы американцев. Их потащили в музей, где от скуки можно повеситься. Затем отец познакомил их с продукцией механического завода, тут уж не один Сергей зевал, хотя Файтонс проявил интерес к некоторым видам продукции, но скорее делал это из вежливости. В самом деле, не могли же его заинтересовать примитивные газовые горелки, допотопные отопительные системы и прочая дребедень. Экскурсия на завод закончилась выступлением хора ветеранов. И никуда от этого ма-разма не деться.

Сергей вздохнул с облегчением, когда группа отправилась на выставку живописи, где он чувствовал себя более привычно, так как любил смотреть на полотна талантливых мальчишек, ищущих себя. В завершение гостей с ветерком прокатили по вечернему городу.

На ужине все оживились, теперь не нужно спешить, можно насладиться отдыхом, вкусной едой и престижной компанией. Так думали все, кроме Сергея. Переводчица тараторила без передышки, показывая ровные,